

Золото Кахамарки

Автор:

Якоб Вассерман

Золото Кахамарки

Якоб Вассерман

«Следующий рассказ был записан рыцарем, впоследствии монахом, Доминго де Сория Лусе в одном из монастырей города Лимы, куда он, отрекшись от мира, удалился тринадцать лет спустя после покорения страны Перу...»

Якоб Вассерман

Золото Кахамарки

1

Следующий рассказ был записан рыцарем, впоследствии монахом, Доминго де Сория Лусе в одном из монастырей города Лимы, куда он, отрекшись от мира, удалился тринадцать лет спустя после покорения страны Перу.

2

В ноябре 1532 года мы выступили в поход – триста рыцарей и несколько пехотинцев, под командой генерала Франсиско Писарро – мир праху его.

Наш путь лежал через чудовищные горы – Кордильеры.

Я не буду долго останавливаться на трудностях и опасностях этого похода. Достаточно, если скажу: не один раз мы считали, что наступил наш смертный час, причем самые муки голода и жажды казались нам безделицей перед ужасами дикой природы, зияющих пропастей, обрывистых троп; во многих местах тропа суживалась настолько, что нам приходилось спешиваться и тянуть лошадей за поводья. Не буду рассказывать ни о жутком безлюдье этих мест, ни о стуже и снежных бурях, ни о том, как иные из нас дошли до отчаяния, проклиная злополучный день, когда они решились пуститься в эти убийственные края.

Но на седьмой день мученья наши пришли к концу. Перед наступлением вечера, радостно настроенные, несмотря на крайнее изнурение, достигли мы города Кахамарки.

Погода с утра стояла прекрасная, но тут начала портиться, и можно было опасаться ненастья; вскоре действительно пошел дождь вперемежку с градом, и стало очень холодно. Кахамарка означает – город морозов.

Мы были чрезвычайно удивлены, что город был покинут жителями. Никто не вышел к нам из домов с приветствиями, к чему мы привыкли в прибрежных странах. Проезжая по улицам, мы не встретили ни одного живого существа, стояла мертвая тишина, – только копыта наших коней гулко стучали по камням мостовой да эхо повторяло этот гул.

Зато до наступления темноты мы успели заметить на склонах гор, насколько хватал глаз, необозримое множество белых шатров; казалось, горные скаты были осыпаны хлопьями снега. Это было войско Инки Атауальпы. Такое неожиданное открытие привело в смущение даже храбрейших из нас.

3

Генерал признал необходимым отправить посла для переговоров с Инкой. Выбор его пал на молодого рыцаря Эрнандо де Сото, с которым меня связывала искренняя дружба; его сопровождало пятнадцать всадников.

В последнюю минуту Сото выхлопотал для меня разрешение сопровождать его, что чрезвычайно меня обрадовало.

Мы выступили ранним утром. Горная цепь с утопающими в небесной синеве вершинами справа, цветущая равнина впереди и слева, – все это было так ново, так прекрасно, что я пришел в восторг и не мог наглядеться досыта.

После часа пути мы подъехали к широкой реке. Через реку был переброшен красивый деревянный мост. Здесь нас поджидали и без задержки повезли в стан Инки. Скоро мы очутились на просторном дворе, окруженном колоннадой. Колонны были украшены золотыми орнаментами искусной работы, стены облицованы желтыми и кобальтово-синими изразцами; в середине двора находился круглый каменный бассейн, снабжаемый по медным трубам теплой и холодной водой. пышно разодетые вельможи и женщины окружали государя, облаченного в пурпур; на лбу у него была эмблема царской власти – алая повязка с бахромой, которая спускалась до самых глаз.

Лицо его было прекрасно, с необычайным, кристально чистым выражением; на вид ему можно было дать около тридцати лет. Сложен он был крепко и соразмерно, осанку имел повелительную, но в то же время настолько изящную, что мы все были поражены.

Сото захватил с собой в качестве переводчика некоего Фелипильо – туземца, незадолго перед тем окрещенного; этот человек, отличавшийся безграничным коварством, в дальнейшем был причиной больших несчастий, о чем я еще расскажу. Своих единоплеменников он ненавидел; происхождения этой ненависти мы так и не доискались. Фелипильо был единственным бунтовщиком и вероотступником, какого нам удалось найти в Перу.

И вот при его-то посредстве Сото обратился с речью к Инке. Передав царю приветствие от имени генерала, Сото в почтительных выражениях просил Атауальпу, чтобы он соблаговолил посетить нашего вождя.

Атауальпа не отвечал ни слова. Ни одна черта не дрогнула на его лице. Веки его были опущены; казалось, он напряженно соображал, стараясь вникнуть в смысл выслушанной речи. Немного спустя один из стоявших подле него вельмож отрывисто проговорил:

– Хорошо, чужеземец!

Сото чувствовал себя в большом затруднении. Угадать мысль властелина и понять, какое впечатление произвела на него наша речь, было так же невозможно, как если бы нас отделяли от него горы. Что за чуждый мир! Как чужды эти люди и их нравы! Сото в учтивом, чуть не униженном тоне стал упрашивать Инку, чтобы он удостоил лично высказать свое решение. Тут по лицу Атауальпы пробежала легкая усмешка; такую усмешку впоследствии я часто подмечал у него, и каждый раз она производила на меня глубокое впечатление. На этот раз он ответил устами Фелипильо:

– Передайте вашему вождю, что я соблюдаю пост и он сегодня оканчивается. Завтра я его навещу. До моего прибытия он может жить в здании на площади, но ни в каких других. Относительно дальнейшего я распоряжусь.

Затем опять наступило молчание. Мы не слезали с лошадей, потому что в седле чувствовали себя в большей безопасности и притом – это нам было известно из опыта – на конях мы внушали перуанцам больше страха. Сото заметил, что Инка очень внимательно рассматривал его коня, который горячился под ним, нетерпеливо грыз удила и взрывал копытами землю. Сото всегда немножко гордился своим искусством наездника; его соблазняло желание блеснуть своей ловкостью перед государем, а кроме того, он рассчитывал несколько припугнуть Инку. Он отпустил коню поводья, пришпорил и пустил вскачь по мощеной площади, затем повернул назад и круто осадил на всем скаку, так что конь едва не сел на задние ноги, причем остановил так близко от Инки, что брызги пены, выступившей из его ноздрей, обдали царскую одежду.

Невиданное доселе зрелище до того поразило царских телохранителей и придворных, что они инстинктивно протянули вперед руки и при бурном наскоке животного в ужасе попятились назад. Но сам Атауальпа остался так же спокоен и равнодушен, как и раньше. Впоследствии распространилась молва, будто он в тот же день приказал казнить тех приближенных, которые выказали при этом случае такое позорное малодушие. Впрочем, этот слух, как и многое другое, о чем мне довелось услышать впоследствии, на самом деле был лишь праздным и злонамеренным измышлением, имевшим целью опорочить личность государя.

Почтительно откланявшись Атауальпе, мы поскакали обратно к своим, унося новые впечатления, несколько не похожие на те, с какими подъезжали сюда за несколько часов перед этим. Мы видели Инку, окруженного такой военной силой, что вступить с нею в бой казалось нам безрассудной дерзостью. Нас было триста человек, мы поджидали еще триста в подкрепление из Сан-Мигеля; что же могли сделать шестьсот воинов против мириадов? Стан перуанцев порастил нас пышностью, и мы испытывали робость при мысли о том, какими колоссальными средствами обладает этот народ, к которому мы до сих пор относились с пренебрежением; при этом подмеченная нами дисциплина и строгость нравов указывали на высокий культурный уровень, оставлявший далеко за собой все то, что мы видели в прибрежных странах.

Что касается золота, то мы его видели достаточно и более чем достаточно. Масса его была необозрима. Молва на этот раз не солгала, несколько даже не преувеличила. Не могло быть никаких сомнений, что, проникнув в эту волшебную страну, мы достигли цели самых пламенных наших желаний. Но каким образом могли мы овладеть этим золотом? Подойти на один шаг к осуществлению своей заветной мечты и увидеть себя вынужденным отречься от нее! Не было ли это еще мучительнее, чем играть с неверной надеждой?

Свое уныние мы внесли в наш лагерь, заразив им и других товарищей. Оно не рассеялось и с наступлением ночи, когда мы увидели сторожевые огни перуанцев, светившие нам со склонов гор, – неисчислимы, как звезды в небе.

В эту тяжелую минуту мы нашли непоколебимую опору в замечательной твердости и отваге нашего генерала. Отчаяние, в которое мы впали, несколько не огорчило Писарро, напротив, оно доставило ему удовлетворение. Наконец-то случилось то, чего он только и желал! Он стал обходить людей, обращаясь к ним с увещаниями. «Им следует положиться на себя, уповая на провидение, – говорил он, – оно уже не раз проводило их невредимыми через самые ужасные испытания. Будь неприятель в десять тысяч раз сильнее их численностью, какое это может иметь значение, если небо на их стороне?» Он возбуждал их честолюбие, обещал им неслыханные сокровища; приписывая всему предприятию характер крестового похода против неверных, он сызнова раздувал угасавшую в людях искру воодушевления.

Затем он пригласил офицеров на военный совет. Мы собрались в доме, где генерал поместился с обоими братьями, и здесь он развил перед нами свой вероломный план. Писарро предложил заманить Инку в западню и захватить

в плен на глазах всего его войска.

Мы все побледнели. Мы сделали попытку отговорить его от такого намерения, называя его план в высшей степени опасным, отчаянным делом. На это он сухо возразил нам:

– А разве мы не в отчаянном положении? Разве нам не грозит гибель отовсюду и не слишком ли поздно думать о бегстве? В каком же направлении собираемся мы бежать? Самая местность, куда мы зашли, сделалась для нас тюрьмой. Остаться на месте не менее опасно; напасть на Инку в открытом бою – безрассудно; таким образом, не остается ничего другого, как овладеть его особой.

Генерал не сомневается, что этот шаг произведет потрясающее впечатление на всю страну; в сравнении с ним все другие средства не заслуживают никакого внимания.

Я и сейчас вижу, как он, сжав кулак, с мрачным лицом вопросительно оглядел нас. Никто не отозвался на его речь; все мы сидели с поникшими головами, потому что его намерения вызывали в нас сильнейшие опасения. И все же он знал, что может рассчитывать на каждого из нас – рассчитывать при всяких обстоятельствах. Его воля подчиняла себе людей с непреодолимой силой.

Мы разошлись по домам и палаткам, но не для того, чтобы уснуть. Мои глаза по крайней мере не видели сна в эту ночь. Лежа в своей палатке, я прислушивался к темным голосам земли и к нашептываниям злого демона в моей душе. Нужно полагать, так было и с другими.

5

Дело заключалось в том, что для меня, как и для всех нас, край этот представлялся настоящей загадкой сфинкса – непостижимым и отвергнутым богом, а его грандиозная природа в будущем сулила еще больше богатств, чем раскрывала в настоящем. Величественные горы поднимаются из океана, точно толпа страшных великанов, а там, вверху, белые ослепительные снеговые шапки, словно небесные венцы, никогда не тающие под экваториальным солнцем и уступающие разве только разрушительному жару своих собственных

вулканических огней; обрывистые склоны сьерры с их дикими растрескавшимися стенами из порфира и гранита; ревущие потоки, рождающиеся из ледников, да неизмеримо глубокие пропасти между скал, – и внутри, в горных недрах, неисчислимы богатства драгоценных камней, меди, серебра и золота.

Золото... прежде всего золото! Волшебный сон! Ущелья, полные золотом, золотые самородки, вкрапленные в горные породы, золотые с блестящим зеленоватым отливом жилы подо Льдом, золото в красноватых сияющих слитках в пещерах, в оперении птиц и в песке степей, в корнях растений и в воде ручьев!

Разве не в поисках золота оставили мы родину и пошли навстречу всевозможным опасностям и превратностям жизни, полной лишений, в неведомом нам краю?

Промотавши свою часть отцовского наследства, я слонялся по городам Кастилии, не имея насущного хлеба, с трудом поддерживая достоинство дворянина. Когда нужда окончательно схватила меня за глотку, я узнал, что Франсиско Писарро, прибывший об эту пору в Мадрид для заключения договора с правительством, открыл набор добровольцев. С того дня, как я связал себя с ним и его делом, моим умом всецело завладела единственная мысль – обогатиться во что бы то ни стало, и в этом отношении не было никакой разницы между мной и прочими моими товарищами, рыцарями и простыми солдатами. Впрочем, в то время вся Испания, да, пожалуй, и вся Европа была охвачена лихорадочным возбуждением: дети и старцы, придворные гранды и бродяги с больших дорог, епископ и крестьянин, император и последний из его холопов – все они потеряли способность думать о чем-нибудь ином, кроме сокровищ Новой Индии.

Эта массовая лихорадка захватила и меня и проникла в самую глубину моей души, погасив в ней последние проблески света.

6

Мы знали о храмах, в которых кровли и ступени лестниц были выкованы из золота. Мы видели сосуды, домашнюю утварь и одежду из чистого золота. Нам передавали о садах, в которых цветы были мастерски сделаны из золота, особенно маис, – его золотой колос был наполовину обернут широкими серебряными листьями, а с верхушки свешивался легкий пучок, художественно выполненный из серебра.

В этом краю золото казалось такой же обыкновенной вещью, как у нас железо или свинец, да перуанцы и не знали употребления обоих этих металлов – ни железа, ни свинца.

Непостижимо, мучительно странно было то, что золото – конечная цель и предмет самого страстного вождения у всего остального человечества – здесь для людей не играло никакой роли.

Оно не служило средством обмена или приобретения ценностей, не было мерой вещей или ценностью само по себе, не являлось стимулом человеческой деятельности, не манило и не мучило людей и никого не делало ни плохим, ни хорошим, ни сильным, ни слабым. Можно было бы думать: если не золото, то должен же быть какой-нибудь другой металл, благородный элемент; однако и этого не было. Владение строилось у них на иных основах, чем во всем остальном мире, в каких-то сказочных, тревожащих наш ум формах.

Все зависело от деления людей по ступеням общества. Здесь миллионы людей считались абсолютно равными друг другу, – и над всеми, на неизмеримой высоте, стоял Инка. Насколько мне известно, еще никогда не было примера подобного обожествления смертного человека да, по всей вероятности, никогда больше и не будет. С течением времени я получил много доказательств подобного отношения перуанцев к своему повелителю, много выслушал рассказов по этому поводу. Он был единственным источником блага и горя, всякой милости, всякого достоинства, всякого владения. Его алая повязка, обшитая бахромой, была украшена парой перьев чрезвычайно редкой птицы коракенке: эту птицу, жившую в межгорной пустыне, дозволялось убивать только для того, чтобы украсить ее перьями царскую голову.

Мне рассказывали, что в седой древности народ жил без света и без закона. Тогда солнце – великая и светлая мать человечества – сжалилось над ним и послало к нему двух своих детей принести ему дары культурной жизни. Двое небожителей – брат и сестра и в то же время муж и жена – прошли по высоким равнинам; они взяли с собой золотой клин и им было велено поселиться в том месте, где клин легко войдет в землю. В плодородной долине Куско случилось чудо – золотой клин сам собой ушел в землю.

От этих двух светозарных существ произошел Инка, и вся страна стала его собственностью.

Вся территория государства была разделена в целях обработки земли на три части: одна часть для Солнца, другая для государя и третья, самая большая, для народа.

Каждый перуанец, достигнув двадцатилетнего возраста, обязан был вступить в брак, причем община снабжала его жилищем и отводила ему участок земли. Земля каждый год переделывалась, участок увеличивался или уменьшался в зависимости от перемен в составе членов семьи. В первую очередь возделывались поля, принадлежащие Солнцу; затем поля стариков, больных, вдов, – словом всех тех, кто по той или другой причине не мог лично выполнить свою работу; за ними – участки, предназначенные для удовлетворения своих собственных потребностей, причем каждый должен был помогать многосемейному, имеющему малолетних детей соседу. В последнюю очередь обрабатывались поля самого Инки; это выполнялось всем народом сообща, с особой торжественностью. На рассвете раздавался с башни клич к сбору; мужчины, женщины и дети являлись разодетые в свои лучшие одежды и радостно трудились для своего господина, распевая старинные песни. Так мне рассказывали, и так оно и было.

Общественным имуществом были сельскохозяйственные орудия, амбары, посевы и собранный хлеб. Общественным имуществом был также и скот. Лам стригли в установленные сроки, шерсть сдавали в общественные запасные магазины, и отсюда для каждой семьи назначалось столько сырого материала, сколько ей требовалось для собственного употребления; это количество выдавали женам для пряжи и тканья.

Все обязаны были работать, начиная с ребенка и кончая пожилой женщиной, покуда она не становилась слишком слаба, чтобы работать на прялке. Никому не позволялось жить в праздности; безделье считалось преступлением.

Общественным достоянием были рудники, плавильни, лесопильни, ветряные мельницы, каменоломни, мосты, дороги, леса, дома, сады. Никто не мог разбогатеть, никто не мог и обнищать. Расточитель не имел возможности промотать свое добро, предаваясь излишествам; не могло случиться, чтобы спекулянт разорил своих детей рискованными предприятиями. Не встречалось нищих, не было любителей пожить на чужой счет. Если чьи-нибудь дела приходили в упадок по несчастному стечению обстоятельств – по собственной вине этого случиться не могло, – государство было готово придти ему

на помощь. При этом, оказывая благодеяние несчастливцу, общество не унижало его, а восстанавливало, как повелевал закон, на прежней высоте – на одном уровне с остальными. Люди не знали честолюбия, алчности, не испытывали волнений и болезненного духа недовольства, не знали политических страстей и эгоистических стремлений. Никто не владел никакой собственностью, все принадлежало всем, и все вместе – не только одна земля – было собственностью Инки, этого существа небесного происхождения.

И вот тут возникал головоломный вопрос, была ли это дикость или культура, форма варварского и младенческого существования или высшее состояние? Следовало ли гнушаться таким порядком и поэтому разрушить его, или пощадить, может быть даже признать таким общественным строем, к которому надлежало стремиться? Для нас не могло быть безразлично, имеем ли мы дело с грубыми тупыми рабами – слепыми орудиями в руках тирана, обладающего беспримерной по мощи властью, или с созданиями более благородными и чистыми, чем христианский мир.

Я не мог тогда прямо ответить ни да, ни нет, однако по зрелом размышлении я все же скорее склонен был думать, что мы имеем дело с гнусными отрицателями тысячелетних установлений, которые нельзя опрокинуть без вреда для всего рода человеческого. Отказаться от собственности – не значило ли это отказаться от наград и почестей, от соревнования и отличий, от стремления возвыситься, от упоения риском, от всего того, что отличает мое от твоего и меня от тебя? Подобная идея чересчур ужасна и нечестива, чтобы к ней отнестись иначе, как с непреклонной решимостью искоренить ее на земле.

Так мне казалось в описываемую ночь, но позже взгляды мои изменились... Я беспокойно ворочался на своем жестком ложе, ожидая наступления дня.

7

День начался предательством – это нужно признать – и окончился кровопролитием. Он привел к временному унижению Инки и к вечному – его народа и превратил страну в арену пожаров и убийств. Этого уже не скроешь, следы содеянного сохранились повсеместно еще и сегодня, когда я пишу эти строки.

Звуки труб призвали нас к оружию. Конница была поставлена позади строений, пехота внутри зданий. Проходили часы, и мы уже начинали думать, что наши приготовления были напрасны, как вдруг от Инки прибыло известие, что он находится в пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vasserman_yakob/zoloto-kahamarki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)